

7. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь, 16 июля 1999 г., № 295-З : с изм. и доп. // Ведомости Нац. собр. Респ. Беларусь. — 1999. — № 28–29. — Ст. 433.

8. *Карпиевич, Н. Ф.* Международно-правовые и конституционные основы обеспечения безопасности участников уголовного процесса / Н. Ф. Карпиевич // Науч. тр. / Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь. — 2004. — Вып. 4. — С. 628–643.

Karpievich, N. F. International legal and constitutional framework for ensuring the safety of participants in criminal proceedings / N. F. Karpievich // Sci. works / Acad. of Management under the President of the Rep. of Belarus. — 2004. — Iss. 4. — P. 628–643.

9. Об обращения граждан и юридических лиц [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 18 июля 2011 г., № 300-З : в ред. от 15.07.2015 г. № 306-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2016.

10. Уголовный кодекс Республики Беларусь : Закон Респ. Беларусь, 9 июля 1999 г., № 275-З : с изм. и доп. // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. — 1999. — № 76. — 2/50.

Статья поступила в редакцию 24.11.2017 г.

УДК 347.9

L. Kozyrevskaya
BSEU (Minsk)

CORPORATE GOVERNANCE AS A LEGAL CATEGORY: THEORETICAL-METHODOLOGICAL ASPECT

The article is devoted to theoretical and applied problems of defining concepts «corporate governance», to identify its relationship with similar concepts, solution of the subject composition of administrative relations in legal entities the corporate type. In the result of the study was clarified the legal status of the management bodies, the author's solution to the lack of civil capacity of administrative structures.

Keywords: *corporate governance; management in the organizations of corporate type; the governing bodies of a legal person; the legal authorities; the legal personality of members of the management bodies of a legal entity.*

Л. А. Козыревская
кандидат юридических наук, доцент
БГЭУ (Минск)

КОРПОРАТИВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ КАК ПРАВОВАЯ КАТЕГОРИЯ: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Статья посвящена теоретико-прикладным проблемам определения понятия «корпоративное управление», выявлению его соотношения со сходными понятиями, разрешению проблем субъектного состава управленческих отношений в юридических лицах корпоративного типа. В результате проведенного исследования был уточнен правовой статус органов управления, предложено авторское решение проблемы отсутствия гражданской правосубъектности управленческих структур.

Ключевые слова: *корпоративное управление; управление в организациях корпоративного типа; органы управления юридического лица; правосубъектность органов управления; правосубъектность членов органов управления юридического лица.*

Признание корпоративного права как необходимой структурной единицы современного гражданского права, концентрация капитала преимущественно в организационно-правовой форме акционерных обществ, развитие и усложнение внутренних отноше-

ний в объединениях, построенных на членстве, обусловили научный интерес к проблемам организации и взаимодействия участников юридических лиц корпоративного типа. Управление как функция любой саморегулирующейся системы, в том числе и юридического лица, построенного на членском участии, является одним из ключевых моментов как с точки зрения практики, поскольку определяет стратегию, тактику и ценность того или иного образования в системе рыночных отношений, так и с точки зрения теории корпоративного права, в силу своей специфичности, «чуждости» цивилистике.

Корпоративное управление как явление, присущее автономной, самоорганизованной среде, является многоплановым и многоаспектным феноменом. Поэтому проблемы корпоративного управления исследуются с позиций различных наук, прежде всего экономической [1–3]. Что касается юриспруденции, то корпоративные отношения вообще и корпоративное управление в частности, являются в настоящее время едва ли не самой обсуждаемой темой в научных публикациях. При этом итогом многолетней дискуссии в данной области можно считать признание гражданско-правовой природы указанных отношений [4, 5], во всем остальном наблюдается значительный разброс мнений. Последнее, относится к прежде всего корпоративному управлению.

Одним из базовых субъективных прав участника хозяйственного общества или товарищества, т.е. юридического лица, построенном на членстве (корпоративного юридического лица), является право на участие в управлении (ст. 64 Гражданского кодекса Республики Беларусь — далее ГК). Следовательно, нужно определить понятие «управление» применительно к отношениям членства в организациях. В решении данной проблемы можно выделить два методологических подхода. Один построен на методе перехода от общего к частному, т.е. исходным пунктом суждений является понятие самого «корпоративного управления». Второй предполагает обобщение правомочий, составляющих содержание права на управление и порядка их реализации. Однако здесь следует обратить внимание, что законодатель закрепляет не право на управление, а только право на участие в управлении. Очевидно, что последнее по своему содержанию значительно уже. Поэтому первый подход на данном этапе развития теории корпоративного права представляется более логичным, как обеспечивающий теоретические предпосылки нормотворческой и правоприменительной деятельности.

В экономической науке корпоративное управление обычно определяется как совокупность отношений, в которых участвуют внутренние агенты (работники, в том числе менеджеры) и внешние — покупатели, инвесторы, местное сообщество и государство, направленные на реализацию определенной стратегии, приносящей прибыль [6, с. 7]. Иными словами, в системе экономических категорий рассматриваемое понятие трактуется как совокупность факторов, определяющих поведение корпорации, ее ценность на рынке. Безусловно, деятельность всех перечисленных субъектов оказывает существенное влияние на стратегию и тактику организации корпоративного типа. Более того, такое понимание корпоративного управления нашло отражение в некоторых кодексах корпоративного управления. Например, в преамбуле Кодекса корпоративного управления Нидерландов, принятого в 2003 г. (в ред. 2009 г.) подчеркивается, что корпоративное управление включает в себя менеджмент и власть, ответственность и влияние, отчетность и контроль. Правоведческие трактовки корпоративного управления ограничивают данный феномен рамками самой организации. В частности, В.В. Долинская определяет корпоративное управление как урегулированную нормами права систему имущественных и организационных отношений, с помощью которой акционерное общество (корпоративная организация) реализует, представляет и защищает интересы своих инвесторов, в первую очередь акционеров [7, с. 420–421]. Сопоставляя рассматриваемое понятие в экономическом и правовом аспектах, можно заключить, что данные трактовки не противоречат друг другу, а фиксируют исследуемый феномен в разных его проявлениях.

Направленность и содержание деятельности организации формируется в результате сложного взаимодействия участников данной организации, реализуемого в различных организационных формах, с одной стороны, а также управляющего воздействия государства, состояния фондового рынка и т.д. — с другой. Особенно показательным воздействием внешних регулятивных механизмов фиксируется в так называемой аутсайдерской модели корпоративного управления, в которой наблюдается значительное давление со стороны институциональной среды, что существенно ограничивает действия менеджмента, ибо «в противном случае возрастает риск враждебного поглощения фирмы» [8, с. 177]. Вместе с тем задача правовой науки и права как регулирующей системы состоит в разработке и закреплении механизма взаимодействия участников юридического лица корпоративного типа в процессе определения направлений и содержания деятельности созданной ими организации. В силу чего представляется необходимым различать понятия «корпоративное управление» и «управление в корпорации». Причем первое можно определить как комплекс социальных институтов, методов и форм воздействия на деятельность, хозяйственную стратегию и тактику объединений корпоративного типа с целью обеспечения экономической стабильности, конкурентной среды, социального партнерства и защиты законных прав и интересов всех участников хозяйственной деятельности. В такой трактовке субъектами корпоративного управления будет широкий круг лиц (публично-правовые образования в лице уполномоченных органов и должностных лиц, инвесторы, профессиональные участники рынка ценных бумаг и т.д.). Опосредоваться такая деятельность будет в различных правовых формах, в том числе публично-правовых. Строго говоря, в данном случае речь идет о реально существующем социальном институте, а не о правовой категории. Отношения, составляющие этот институт, регулируются нормами различной отраслевой и институциональной принадлежности. Разграничивая сходные понятия — «контроль над корпорацией» и «корпоративный контроль», Д.И. Степанов писал, что «контролем над корпорацией могут обладать *de facto*, но и законодательно получать соответствующее подкрепление... кредиторы корпоративного образования, а шире — контрагенты корпораций вообще...», но при нормальном функционировании «корпоративного образования права и законные интересы кредиторов... могут приниматься во внимание при конструировании... правовых институтов корпоративного права... в исключительных случаях» [9, с. 151].

Что касается управления в корпорации, то нужно отметить, что в правовой литературе закрепились традиция обозначать рассматриваемый институт корпоративного права как корпоративное управление несмотря на то, что в той или иной форме разграничение между корпоративным управлением в широком (экономическом) смысле и управлением в корпорации проводится. Поэтому с учетом сложившейся практики далее управление в корпорации будет обозначаться как корпоративное управление (в узком смысле) — институт корпоративного права. Строго говоря, в русскоязычной правовой науке и нормативной практике распространено контекстуальное использование одного и того же термина, например, определение «имущество» в ГК может обозначать вещи, ценные бумаги, деньги и имущественные права, работы и услуги, охраняемую информацию, исключительные права и нематериальные блага (ст. 128 ГК), а может использоваться для совокупности земельных участков, зданий, капитальных строений, оборудования, инвентаря, сырья, продукции, прав требования, долгов, прав на средства индивидуализации и других исключительных прав (ст. 132 ГК).

Как уже отмечалось, понятие корпоративного управления в правовой литературе является предметом дискуссий. При этом следует выделить несколько подходов к определению данного феномена. Во-первых, можно выделить позицию, в рамках которой за основу берется форма нормативного опосредования, корпоративных отношений, т.е. корпоративное управление определяется как «система принципов, норм, правил... поведения участников корпоративных отношений, определяющих достижение определен-

ных целей» [10, с. 6]. Вторую позицию можно условно обозначить как деятельностьную, поскольку за основу дефиниции берется «система действий, которые необходимы для успешной деятельности корпорации, достижения ее целей» [11, с. 222]. Принимая за основу понятие социального управления, О. А. Макарова определяет корпоративное управление как «осознанное, волевое воздействие на корпорацию как организованную систему, осуществляемое специально образованными органами в пределах своей компетенции с целью обеспечения интересов всех участников корпорации и достижения общего интереса самой корпорации» [12, с. 230]. Представляется, что последняя дефиниция наиболее точно раскрывает суть анализируемой категории. При этом нельзя не отметить, что в силу специфики права как регулирующей системы воздействие может быть направлено на поведение участников корпоративных отношений, а не корпорацию как систему, ибо преобразование состояний последней будет только итогом такого воздействия. Во-вторых, вряд ли следует в качестве цели такого воздействия выделять интересы всех участников корпоративного объединения, ибо они могут не совпадать и даже противоречить друг другу. С учетом сделанных оговорок представляется необходимым уточнить данное понятие, определив корпоративное управление как целенаправленное воздействие на отношения, складывающиеся в организационно-обособленном коллективе для упорядочения, совершенствования и развития его внутренней специфики, а также обеспечения наиболее эффективной реализации целей и задач, положенных в основу консолидации членов данного коллектива. При этом корпоративное управление как частноправовое явление в своей основе имеет не нормативно закрепленное властное полномочие одного субъекта в отношении другого, а добровольно выраженное согласие лица подчиняться коллективным решениям, принятым по большей мере в порядке, этими лицами же и установленном. Чтобы раскрыть сущность данного явления, нужно проанализировать основные элементы управленческих отношений, складывающихся в организациях корпоративного типа.

Одной из главных проблем применительно к корпоративному управлению является вопрос о субъектах управленческих отношений. В частности, одни ученые считают, что такие отношения складываются между органами корпорации, с одной стороны, и ее участниками (членами) — с другой [13, с. 100]. В законодательной практике Республики Беларусь нашла отражение данная методологическая посылка. Так, в соответствии со ст. 109.1 Банковского кодекса под корпоративным управлением банком понимается система взаимодействия акционеров, органов управления, контрольных органов, должностных лиц банка, направленная на общее руководство деятельностью банка. Другие исследователи, указывая на отсутствие правосубъектности органов управления, отмечают, что «...орган управления является частью организации, ... он не имеет статуса юридического лица, необходимого для вступления в гражданско-правовые отношения в качестве субъекта, ... не существует никаких правоотношений между органами управления хозяйственного общества» [14, с. 9]. Таким образом, анализ субъектного состава отношений управления в юридическом лице корпоративного типа нужно начать с уточнения правового статуса органов управления юридического лица.

В исторической ретроспективе выделяются две группы теорий, сводящих правовую характеристику органа юридического лица либо к признанию его представителем юридического лица и соответственно самостоятельным субъектом права, либо к рассмотрению органа юридического лица в качестве составной части последнего. Благодаря второй группе теорий юридическое лицо понимается как дееспособный субъект, участвующий в общественных отношениях не через гражданско-правового представителя, а через систему своих органов как свою часть, которая действует от его имени и в его интересах, не являясь самостоятельным субъектом права. Оба подхода сохраняют актуальность и в настоящее время. В частности, в соответствии со ст. 49 ГК юридическое лицо приобретает субъективные права и принимает на себя гражданские обязанности через

свои органы. Данная позиция находит поддержку и в судебной практике. В хозяйственный суд г. Минска в феврале 2005 г. с иском о признании сделки купли-продажи двух автомобилей недействительной обратился гражданин С.Ю.Ч., являющийся участником ООО «Ф». Из материалов дела видно, что ООО «Ф» имеет двух участников, доли которых в уставном фонде составляют по 50 %, причем второй участник является директором общества. В п. 6.4 устава ООО «Ф» было предусмотрено, что общество не вправе продавать имущество, относящееся к основным фондам, без решения общего собрания участников. Оспариваемая сделка одобрения общим собранием не получила. Суд признал правомерным довод истца о том, что уставом введены ограничения полномочий исполнительного органа — директора, и названная сделка должна быть совершена только при наличии положительного решения общего собрания. Однако, указав, что по смыслу ст. 175 Гражданского кодекса Республики Беларусь лицом, уполномоченным требовать признания такой сделки недействительной, является само юридическое лицо, которое в соответствии со ст. 49 Гражданского кодекса Республики Беларусь приобретает права и обязанности через свои органы, суд признал С.Ю.Ч. ненадлежащим истцом и в иске отказал [15]. «Таким образом, действия директора, наносящие вред имущественным интересам общества, в силу технических процессуальных правил исключались из зоны правового воздействия» [16, с. 248].

Вместе с тем в соответствии со ст. 175 ГК сделка может быть признана судом недействительной, если полномочия органа юридического лица ограничены его учредительными документами по сравнению с тем, как они определены в законодательстве либо как они могут считаться очевидными из обстановки, в которой совершается сделка. Анализ приведенной нормы дает возможность заключить, что в данном случае законодатель по сути использует модель представительственного правоотношения. Ибо если действия органа — суть действия самой организации, ни о каком ограничении полномочий внутренними актами не может идти речь, поскольку отказ субъектов гражданских правоотношений от осуществления принадлежащих им прав не влечет прекращения этих прав, за исключением случаев, предусмотренных законодательными актами (ст. 8 ГК), т.е. декретом или указом Президента Республики Беларусь, а также законом. Учредители (члены) организации корпоративного типа, утверждая устав и закрепляя в нем пределы компетенции органов управления, например необходимость согласования с общим собранием сделки по отчуждению объектов недвижимости, устанавливая пределы полномочий этих образований, но не уменьшают объем правоспособности юридического лица. Таким образом, можно констатировать отсутствие единой непротиворечивой позиции белорусского законодателя относительно квалификации правовой позиции органов управления юридического лица вообще, и в корпоративных организациях в частности.

Второй аспект рассматриваемой проблемы связан с определением в качестве субъектов гражданских правоотношений физических, юридических лиц и публично-правовых образований (ч. 3 ст. 1 ГК). Такого субъекта как орган (структурное подразделение юридического лица) гражданское право Республики Беларусь не знает. И здесь видится несколько способов решения этой проблемы. Во-первых, данную проблему можно объяснить с позиций административного права, которое более гибко подходит к определению круга возможных субъектов правоотношений, допуская в качестве таковых коллективные образования, не являющиеся юридическими лицами, либо путем конструирования новой отрасли — корпоративного права. И тот и другой путь представляется непродуктивным. Применение к этим отношениям норм административного права в качестве основного инструмента их правового регулирования приведет к отказу от принципа диспозитивности, обоснованию особой роли государства как участника корпоративных отношений и закреплению императивных методов воздействия на общественные объединения, юридической основой создания которых, является свобода объединений и хозяй-

ственной деятельности, закреплённая на конституционном уровне (ст. 13 Конституции Республики Беларусь). Что касается обоснования корпоративного права в качестве самостоятельной отрасли права, то здесь можно привести все возражения, которые уже высказывались в правовой науке относительно самостоятельности такой отрасли права, как хозяйственное (торговое, предпринимательское) право [17, с. 14, 15]. Главное из которых сводится к тому, что предметом правового регулирования является одна и та же группа общественных отношений имущественного характера, складывающихся между равноправными субъектами. Поэтому общая часть корпоративного права должна совпасть с общей частью гражданского права и несмотря на существенные особенности, присущие корпоративным отношениям, вряд ли удастся смоделировать самостоятельную отрасль права.

В науке гражданского права высказывались также предложения определять природу органов управления юридического лица как особую форму представительства [18, с. 10]. Как было показано выше, имеется и нормативная предпосылка к такому решению. Однако все же данный подход представляется ошибочным, поскольку даже с учетом оговорки об особой природе корпоративного представительства не решаются главные правовые проблемы в выделенной сфере: вопрос о субъектном составе данного правоотношения, проблема определения полномочий представителя, а также оснований их возникновения. Кроме того, трактовка органов юридического лица как его представителей означает, что они неявным образом наделяются гражданской правосубъектностью в полном объеме, что противоречит действующему законодательству и правоприменительной практике.

Интересна в рассматриваемом аспекте и норма ст. 33 закона «О хозяйственных обществах», которая гласит, что члены органов общества в соответствии с их компетенцией несут ответственность перед хозяйственным обществом за убытки, причиненные этому обществу их виновными действиями (бездействием). Иными словами, участником имущественного правоотношения по возмещению юридическому лицу убытков являются не органы управления, а их члены — физические лица. На первый взгляд, такая конструкция позволяет избежать проблем отсутствия субъекта права в реально существующем общественном отношении: правоотношение складывается между физическим и юридическим лицом [16, с. 249]. Но дело в том, что в указанном правоотношении реализуется правосубъектность не просто физического лица, а члена органа управления, наделенного специальными полномочиями — участвовать в принятии решений, определяющих действия юридического лица (для членов коллегиальных органов) или непосредственно действовать от имени данной организации (для единоличного органа). Поскольку требования практики в этой сфере больше игнорироваться не могут, то необходимо пересмотреть теоретические основы гражданского права, сохранив по возможности его основы.

Если обратиться к наиболее простой организационно-правовой форме юридического лица, предполагающего коллективное участие, к хозяйственному товариществу, то очевидно, что принятие управленческих решений осуществляется на основе взаимосогласования воли полных товарищей при полном отсутствии обособленного управленческого аппарата. По мере усложнения и роста мобильности хозяйственных отношений потребовалось оперативно реагировать на изменения экономических условий, что привело к формированию специализированных управленческих структур в рамках организаций. При этом по-прежнему наиболее значимые решения принимаются путем согласования устремлений членов корпоративных объединений, причем отдельные вопросы требуют единогласного решения. Например, увеличение уставного фонда акционерного общества за счет средств акционеров допускается на основе единогласного решения общего собрания (ч. 2 ст. 74 Закона «О хозяйственных обществах»). Иными словами, по своей природе отношения, существующие в товариществах и обществах, являются од-

нопорядковыми, но с учетом практических потребностей участники хозяйственных обществ и кооперативов на основе устава и иных корпоративных актов как бы отказываются от части принадлежащих им как участникам гражданского правооборота прав и наделяют ими членов органов управления. Причем речь не идет о представительстве, в противном случае члены органов управления были бы лишены необходимой свободы в принятии решений, ибо даже коммерческий представитель должен действовать в рамках договора или доверенности, содержащих указание на его полномочия (ст. 185 ГК). Полномочия же органов управления определяются в самом общем виде без указания на конкретные правомочия. Следовательно, члены этих органов реализуют собственную дееспособность, объем которой был расширен добровольным решением того или иного лица установить членские отношения с данной организацией и отказаться от части принадлежащих ему прав в пользу лиц, которые были избраны этими же членами для защиты целостности созданного юридического лица и обеспечения эффективности его деятельности.

Предложенное решение проблемы правосубъектности органов управления юридического лица, во-первых, отвечает базовым принципам гражданского права (автономии воли, диспозитивности и др.), во-вторых, обеспечивает неприкосновенность сложившейся системы субъектов гражданского права и, в-третьих, представляется логичным следствием из совокупности норм о возможном ограничении дееспособности, реализации дееспособности законными представителями несовершеннолетних (ограниченно дееспособных граждан).

Таким образом, с учетом изложенного корпоративное управление можно определить как правоотношение между лицами, наделенными специальной правоспособностью — членами органов управления, с одной стороны, и участниками организации, основанной на коллективном участии, — с другой, по поводу определения стратегии и тактики деятельности этой организации, а также обеспечения условий реализации корпоративных прав и обязанностей.

Источники

1. *Замалетдинов, И. И.* Анализ инструментов компенсационной политики как механизма корпоративного управления / И. И. Замалетдинов // Учен. зап. Рос. акад. предпринимательства. — 2011. — № 28. — С. 257–262.
Zamaletdinov, I. I. Analiz instrumentov kompensatsionnoy politiki kak mekhanizma korporativnogo upravleniya / I. I. Zamaletdinov // Uchen. zap. Ros. akad. predprinimatel'stva. — 2011. — № 28. — S. 257–262.
2. *Луценко, С. И.* Амбивалентная природа управленческих органов компании / С. И. Луценко // Экон. стратегии. — 2015. — № 9 (134). — С. 118–123.
Lutsenko, S. I. Ambivalentnaya priroda upravlencheskikh organov kompanii / S. I. Lutsenko // Ekon. strategii. — 2015. — № 9 (134). — S. 118–123.
3. *Рабыко, И. Н.* Взаимоотношения независимых директоров банков в системе корпоративного управления / И. Н. Рабыко // Весн. Беларус. дзярж. экан. ун-та. — 2015. — № 5. — С. 90–95.
Rabyko, I. N. Vzaimootnosheniya nezavisimykh direktorov bankov v sisteme korporativnogo upravleniya / I. N. Rabyko // Vesn. Belarus. dzyarzh. ekan. un-ta. — 2015. — № 5. — S. 90–95.
4. *Шабунова, И. Н.* Корпоративные отношения как предмет гражданского права / И. Н. Шабунова // Журн. рос. права. — 2004. — № 2. — С. 40–49.
Shabunova, I. N. Korporativnye otnosheniya kak predmet grazhdanskogo prava / I. N. Shabunova // Zhurn. ros. prava. — 2004. — № 2. — S. 40–49.
5. *Праслов, Ю. П.* Корпоративные отношения как предмет гражданского права / Ю. П. Праслов // Территория науки. — 2013. — № 2. — С. 264–274.
Praslov, Yu. P. Korporativnye otnosheniya kak predmet grazhdanskogo prava / Yu. P. Praslov // Territoriya nauki. — 2013. — № 2. — S. 264–274.
6. *Адаев, Б. Н.* Корпоративное управление в системе рыночных институтов : автореф. дис. ... канд. экон. наук : 08.00.01 / Б. Н. Адаев ; Петрозавод. гос. ун-т. — Петрозаводск, 2005. — 39 с.

Adaev, B. N. Korporativnoe upravlenie v sisteme rynochnykh institutov : avtoref. dis. ... kand. ekon. nauk : 08.00.01 / B. N. Adaev ; Petrozavod. gos. un-t. — Petrozavodsk, 2005. — 39 s.

7. *Долинская, В. В.* Акционерное право: основные положения и тенденции : монография / В. В. Долинская — М. : Волтерс Клувер, 2006. — 588 с.

Dolinskaya, V. V. Aktsionernoe pravo: osnovnye polozheniya i tendentsii : monografiya / V. V. Dolinskaya — М. : Volters Kluver, 2006. — 588 s.

8. *Новоселов, А. В.* Институты, модели корпоративного управления и поведение фирм: комплексный анализ / А. В. Новоселов // Экономика и упр. — 2010. — № 11 (72). — С. 176–179.

Novoselov, A. V. Instituty, modeli korporativnogo upravleniya i povedenie firm: kompleksnyy analiz / A. V. Novoselov // Ekonomika i upr. — 2010. — № 11 (72). — S. 176–179.

9. *Степанов, Д. И.* Феномен корпоративного контроля / Д. И. Степанов // Вестн. гражд. права. — 2009. — № 3. — С. 142–206.

Stepanov, D. I. Fenomen korporativnogo kontrolya / D. I. Stepanov // Vestn. grazhd. prava. — 2009. — № 3. — S. 142–206.

10. *Гританс, Я. М.* Корпоративные отношения: правовое регулирование организационных форм / Я. М. Гританс. — М. : Волтерс Клувер, 2005. — 160 с.

Gritans, Ya. M. Korporativnye otnosheniya: pravovoe regulirovanie organizatsionnykh form / Ya. M. Gritans. — М. : Volters Kluver, 2005. — 160 s.

11. *Ионцев, М. Г.* Акционерные общества / М. Г. Ионцев. — М. : Ось-89, 2013. — 544 с.

Iontsev, M. G. Aktsionernye obshchestva / M. G. Iontsev. — М. : Os'-89, 2013. — 544 s.

12. *Макарова, О. А.* Корпоративное право : курс лекций / О. А. Макарова. — М. : Волтерс Клувер, 2010. — 432 с.

Makarova, O. A. Korporativnoe pravo : kurs lektsiy / O. A. Makarova. — М. : Volters Kluver, 2010. — 432 s.

13. *Андреев, В. К.* Корпоративное право современной России : монография / В. К. Андреев, В. А. Лаптев. — М. : Проспект, 2016. — 240 с.

Andreev, V. K. Korporativnoe pravo sovremennoy Rossii : monografiya / V. K. Andreev, V. A. Laptev. — М. : Prospekt, 2016. — 240 s.

14. *Филиппова, С. Ю.* Внутренние правоотношения в хозяйственном обществе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / С. Ю. Филиппова ; Томск. гос. ун-т. — Томск, 2001. — 18 с.

Filippova, S. Yu. Vnutrennie pravootnosheniya v khozyaystvennom obshchestve : avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk : 12.00.03 / S. Yu. Filippova ; Tomsk. gos. un-t. — Tomsk, 2001. — 18 s.

15. Архив хозяйственного суда г. Минска за 2005 г. — Дело № 153 — 11/05.

16. *Козыревская, Л. А.* К вопросу о правовом статусе органов управления хозяйственных обществ / Л. А. Козыревская // Теория и практика правоприменения: Республика Беларусь в условиях интеграционных процессов : тез. докл. Междунар. науч.-практ. конф., Гродно, 13–14 апр. 2007 г. / Гродн. гос. ун-т ; редкол.: И. Э. Мартыненко (отв. ред.) [и др.]. — Гродно, 2007. — С. 248–250.

Kozyrevskaya, L. A. K voprosu o pravovom statuse organov upravleniya khozyaystvennykh obshchestv / L. A. Kozyrevskaya // Teoriya i praktika pravoprimeneniya: Respublika Belarus' v usloviyakh integratsionnykh protsessov : tez. dokl. Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., Grodno, 13–14 apr. 2007 g. / Grodn. gos. un-t ; redkol.: I. E. Martynenko (otv. red.) [i dr.]. — Grodno, 2007. — S. 248–250.

17. Советское гражданское право : учебник : в 2 т. / под ред. О. А. Красавчикова — М. : Высш. шк., 1985. — Т. 1. — 544 с.

Sovetskoe grazhdanskoe pravo : uchebnik : v 2 t. / pod red. O. A. Krasavchikova — М. : Vyssh. shk., 1985. — T. 1. — 544 s.

18. *Веленто, И. И.* Правовое регулирование отношений собственности: пути гармонизации и совершенствования законодательства в Республике Беларусь и Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / И. И. Веленто ; Белорус. гос. ун-т. — Минск, 2006. — 29 с.

Velento, I. I. Pravovoe regulirovanie otnosheniy sobstvennosti: puti garmonizatsii i sovershenstvovaniya zakonodatel'stva v Respublike Belarus' i Rossiyskoy Federatsii : avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk : 12.00.03 / I. I. Velento ; Belorus. gos. un-t. — Minsk, 2006. — 29 s.

Статья поступила в редакцию 08.12.2017 г.